

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ШОПЕНА

Отрывок из романа

«Господи, сделай из моего ребра рояль!..»

Аля уже битый час ходила из одного угла класса в другой. Для разнообразия она накручивала круги вокруг роялей, то по часовой стрелке, то – против. Руки в шерстяных перчатках, – несмотря на задержавшееся в городе лето, – были крепко сжаты в кулачки. Чёрное концертное платье подчёркивало матовую бледность сосредоточенного лица. Аля беспрестанно поглядывала на циферблат настенных часов – стрелки неумолимо приближались к решающему моменту. До выступления оставалось не более получаса. Она уже разыгралась. Но! Хотя бы раз надо прогнать с Кречетовым концерт дуэтом в классе перед выходом на сцену! А Кречетова нет и нет. А ведь вчера вечером они созванивались и обо всём договорились. Что могло измениться?!

«Ну, где же он?! Где?!»

Вот сейчас сыграет белобрысый парень из училища Шнитке, потом её очередь. Аля кусала губы от бессилия.

Дверь распахнулась. Аля подалась навстречу... Но это оказалась всего лишь сияющая Ласточкина.

– А, это ты, Сонька...

– Ага! – Выпала Сонька, чмокнув подружку в щёку. – Ну? Как ты? – Огляделась Ласточкина, хлопала своими огромными глазищами: – Что, не приехал ещё? Господи, на какой телеге он едет! Или решил добираться через Новые Выселки?

Аля тоскливо взглянула на подружку:

– Мне совсем не до шуток. Куда он запропастился? Может, позвонить?

– А ты ещё не позвонила? – всполошилась Ласточкина. – Звони немедленно! Все сроки дипломатии прошли!

Аля нерешительно взяла с рояля мобильник. Пошли длинные гудки. Трубку не брали.

– Только этого не хватало! – разозлилась Аля. – Ничего не понимаю!

– Слушай, Алька! Если он не приедет, я могу сыграть партию оркестра. Запросто! – предложила Соня, – она уже полгода как подрабатывала концертмейстером в одном столичном театре.

Аля озадаченно посмотрела на подругу.

– А Розалия разрешит? В заявке на партии второго фортепиано Кречетов... Ты же знаешь Розалию. – Аля потёрла кулаками щёки. – Да там ещё в жюри полно консерваторских. Начнут придирааться. Хотя...

– Вот именно, – подхватила Соня, – если он не приедет, выбора у нас нет. Выходим и играем. Поняла?

– Поняла, Сонька, – Аля посмотрела на подругу с благодарностью. – Но может, он всё-таки успеет? – Она снова с надеждой взглянула на часы. Стрелки передвинулись ещё на десять делений.

– Ладно, Алька, пошла я в зал, – понимающе кивнула Соня. – Если что, я наготове. На всякий случай, ни пуха!..

– К чёрту!

Дверь за Сонькой захлопнулась. Аля села за рояль и машинально начала наигрывать побочную тему концерта, не снимая перчаток. Холод неизвестности сковал её.

В это время в концертном зале училища, где слушали выступления участников музыкального фестиваля, возникло замешательство. Звучали начальные аккорды финала заявленного Первого концерта Чайковского, когда дверь, вопреки всем правилам хорошего тона, отворилась, и в зал осторожно протиснулась заместитель директора по учебной части – ухоженная дамочка бальзаковского возраста: стриженные почти под нулёвку пепельные волосы и ярко накрашенные губы в пол-лица, отливающие перламутром. Дама на цыпочках прокралась к столу членов жюри и, подойдя сзади к Розалии Артуровне, что-то прошептала ей на ухо. На лице обернувшейся Розалии Артуровны отобразился всплеск негодования. Дамочка извинительно пожала плечами и так же на цыпочках, наклонив голову и глядя в пол, пробралась назад и выскользнула за дверь. В жюри зашевелились и зашептались. Розалия Артуровна и председатель – дядька с хвостом седых волос, – будто о чём-то заспорили. Вете с предпоследнего ряда всё было хорошо видно. Следующим номером должны играть Аля и Кречетов. Розалии Артуровне не сиделось – она в нетерпении поглядывала на сцену, постукивала карандашом по столу. Рядом отрешённо откинулся на спинку стула профессор Добрышев – он слушал, прикрыв глаза. И тут до Веты донёлся сдавленный шёпот – говорили, очевидно, по мобильнику, – за её спиной. Женский голос спрашивал: «...передать, что? ... стоишь в пробке?...а что случи... что?! Да ты... хорошо... хорошо...» Потом раздались шорох и приглушённое постукивание каблучков. Вета обернулась – незнакомая особа с длинными льняными волосами изящно пробиралась на выход. Что-то подсказывало Вете, что всё происходящее в зале каким-то образом связано между собой. Наконец, белобрысый парень за роялем придавил грудью последний аккорд своего концерта. Розалия Артуровна быстро поднялась и ещё раз обратилась к председателю жюри, что-то ему энергично объясняя. Тот уклончиво помотал головой, видимо, не соглашаясь. Публика расслабилась, зашевелилась. Председатель жюри объявил перерыв. Розалия Артуровна, гордо подняв царственную голову, быстро-быстро засемила из зала. Сквозь слой пудры на её лице проступали красные пятна недовольства и раздражения.

Внутри директрисы кипело возмущение. Это её училище, она здесь законная хозяйка и не потерпит анархических настроений. И нечего тут

права качать. Да пусть он хоть Бог за роялем, она не отступится от своего решения. И никто ей не указ. Даже уважаемый председатель жюри. Разумеется, зачем посвящать его во все нюансы. Он, похоже, не очень ей поверил, что участник под номером двенадцать, ученица Кречетова Ольшанская снимает своё выступление по причине плохого самочувствия. «Ну не знаю, пусть таблеток напьётся, что ли, дайте ей что-нибудь...» – сказал он в ответ непонимающе. Но Розалия Артуровна на это с готовностью добавила, что как-то всё не складывается – преподаватель девочки стоит в пробке, и неизвестно, когда приедет. Председатель с недоумением её переспросил: «Что, совсем некем его заменить? Кхм... Что там? Первый концерт Шопена? Может, мне этой вашей Ольшанской подыграть? – глядя прямо в глаза Розалии Артуровны, произнёс он укоризненно. И добавил: – Странно всё это, уважаемая Розалия Артуровна, странно...»

Ну и пусть думает, что хочет. Главное – двенадцатый номер не должен выйти на сцену.

«Только через мой труп! – Так она вчера сказала по телефону Кречетову. – Даже не пытайся приехать – всё равно играть не разрешу. Слышишь меня? В училище – ни ногой!»

А как она должна была поступить, если он прёт, как оглашенный, и не подчиняется никаким её распоряжениям? Совсем от рук отбил: «С какой стати вы будете оценивать мой профессионализм?!» – говорит.

Розалия Артуровна снова и снова прокручивала в голове дерзкие выпад Кречетова по телефону: «Вы флейтистка, Розалия Артуровна, причём, давно не выступаете, а я концертирующий пианист. Я не мальчик, чтобы играть на ваших прослушиваниях. Я не потерплю такого унижения!...» Она ему возьми и скажи: «Влад, вы несёте околесицу! Вы пьяны!..» Тут он просто остервенел: «Я – пьян?! А это вас, Розалия Артуровна, не касается! Хочу – пью, хочу – не пью». Она ему: «Ваш образ жизни...» Он даже не дал ей договорить: «Мой образ жизни?.. это моё личное дело, Розалия Артуровна! Это не имеет отношения к моим урокам с учениками. Вам ведь от меня нужны уроки, так ведь? Я их провожу. Что ещё?»

Она только заикнулась: «Я давно не слышала вас, Влад, меня беспокоит, не занижаете ли вы планку...» Как он просто заткнул ей рот: «Я за свою ученицу ручаюсь. Она концерт играет лучше, чем студенты консерватории, – гениально! Я-то знаю, что говорю! Вы не имеете права не допустить нас к фестивалю. У нас демократия!..»

И всё это отвратительно наглým тоном...

«Нахал! – никак не могла успокоиться Розалия Артуровна, шагая по коридору. – Он ручается! Зато я за него – не ручаюсь! Что можно ждать от человека, ведущего такой образ жизни?» Самое досадное, что тогда в разговоре он был трезв, как стёклышко. Хотя буквально на днях она столкнулась с ним в фойе, задержавшись в училище допоздна, и чуть не задохнулась от перегара. «Позор! Нет, он совсем, совсем опустился! Надо решать этот

вопрос, немедленно...» – Розалия Артуровна, раздираемая справедливым возмущением, влетела в приёмную.

– Розалия Артуровна! – Подскочила навстречу секретарша Тоня. Осветлённые волосы сбились в бесформенный комок, глаза выпучены – как у бешеного кролика, – тут вам Кречетов раз сто звонил. Телефон раскалился...

Из кабинета неслось жужжание мобильного. Розалия Артуровна устремилась на звук, махнув секретарше рукой: «Ко мне никого не пускать!»

На мобильнике значились двенадцать безответных вызовов. «Совсем мальчик оборзел, кто он такой, чтобы так беспардонно названивать мне, своему начальнику?! – Розалия Артуровна в сердцах перебросила стопку бумаг на столе с одного угла на другой. – Но ничего, я поставлю его на место...»

Она подошла к приоткрытому окну, чтобы вдохнуть прохлады ранней осени. Под окном на лавочке в беседке сидел Кречетов. Опухшее лицо, мятая рубашка, свалывшиеся волосы. Видно, он провёл беспокойную ночь. В одной руке он держал зажжённую сигарету, в другой мобильник. Под лавочкой стояла бутылка. Он то прикладывался к бутылке и отпивал несколько глотков, то раздражённо нажимал кнопки мобильного телефона и поглядывал на окна. Розалия Артуровна брезгливо поморщилась, задёрнула занавеску и отступила вглубь кабинета.

«Вот видишь, голубчик, моя взяла, посиди теперь, покури, – удовлетворённо хмыкнула она. – Никуда не денешься, плясать будешь под мою дудку. Даром что я флейтистка», – саркастически подумала Розалия Артуровна.

Она села за стол и набрала номер Кречетова. Негодующий голос ворвался в ухо Розалии Артуровны оглушительным тайфуном:

– Розалия Артуровна! – сдувал её с места напор Кречетова, – почему я не могу зайти в училище?! По какому праву меня не пускают?! Это дискриминация! Я пришёл на работу, между прочим! И что это за приказы – сидеть и не показываться, пока не отыграет тринадцатый номер? Что за игра в прятки? Почему мне ваши распоряжения передают ваши подчинённые? Шантаж какой-то! Моя ученица должна, слышите, должна сыграть концерт! У неё есть все шансы выйти в лауреаты!..

Розалия Артуровна слушала, отстранив мобильник от уха. Выждав удобный момент, она вставила ядовитым тоном:

– Можешь ехать домой, Влад. Твоя Ольшанская... у неё поднялась температура... Она отказалась от участия... и не будет играть на фестивале. Не будет!

Розалия Артуровна отключила мобильник и перевела дух. Потом встала из-за стола, подошла к настенному зеркалу в резной позолоченной раме, подаренному ей на недавний юбилей дедом одного из студентов, – художником, живущим где-то, то ли в Италии, то ли в Испании, – подправила линию губ помадой карамельного цвета и пропела своему отражению: «То-о-реа-дор, сме-еле-е-е в бой...» Затем вышла из кабинета, одарив неожиданной улыбкой секретаршу Тоню. Та удивлённо вскинула густо накрашенные ресницы вслед переменявшейся в настроении директрисе.

А Розалия Артуровна шествовала по коридору, довольная собой. Перерыв закончился. Но она не спешила к началу второго отделения – участник под номером тринадцать мало интересовал Розалию Артуровну. Поэтому она решила заглянуть в буфет, чтобы в спокойной обстановке выпить чашечку кофе.

В это самое время, после того, как Вета услышала разговор по мобильному телефону, в класс, где Аля вымеряла метры, считала шаги и минуты, зашла незнакомка – тонкие черты лица, хрупкая фигурка, длинные льняные волосы.

– Вы Аля? – спросила она, – меня зовут Екатерина. Я давнишняя приятельница вашего преподавателя. Он пригласил меня послушать ваше выступление. – Она подождала, пока Аля справится с удивлением. – Да. – Она улыбнулась, как показалось Але, с лёгкой грустью. И продолжила: – Мне позвонил Влад... Владислав Александрович... Он не может сейчас разговаривать с вами... Он просил передать, что сильно задерживается и не знает, успеет ли к вашему выступлению... он едет в такси и попал в пробку...

– Как же так?! – вырвалось у Али. Столько готовиться и не сыграть!... – Аля прошла по кабинету туда и обратно быстрыми шагами. Потом спохватилась: – Я вам даже спасибо не сказала... извините... Что же теперь делать? – Аля застыла на месте, приложив пальцы к вискам, лихорадочно соображая.

– Кто-нибудь может сыграть вторую партию вместо Кречетова? – спросила Екатерина.

– Может, только, боюсь, нас со сцены погонят, – усмехнулась Аля, – моей подружки нет в списках участников.

– Моё дело – сторона, но если есть шанс, – лучше сыграть, – сказала Екатерина. – Ты сама-то как думаешь?

– Конечно, я хочу сыграть концерт, – утвердительно кивнула Аля. – Вы не представляете, мы полгода готовились к этому фестивалю! – воскликнула Аля и осеклась. – А вы не знаете, одиннадцатый номер уже отыграл?

– Заканчивает. Так что, решай быстрее. – Екатерина улыбнулась ободряюще. – Ну, я пошла. Удачи!

Аля осталась одна. Вздохнув и выдохнув восемь раз, как учат йоги, она схватила мобильник и ключ, быстро закрыла класс и помчалась вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки, обгоняя финальные аккорды концерта Чайковского, к концертному залу, на ходу отбивая Соне эсэмэску: «Выходи. Будем играть». И тут же чуть не врезалась в Соню, которая летела по лестнице вверх, ей навстречу:

– Алька! Ты представляешь! – задыхалась Соня, – я только что видела Кречетова! Он сидит во дворе в беседке...

– В беседке?! – Аля опешила. – А как же... мне сказали... – Она на мгновение растерялась.

– Аль, это нас уже не касается, мы идём играть, – оборвала её Соня и за руку поволокла за собой – лестница, фойе, артистическая, сцена...

– С утра даже маковой росинки не... – Розалия Артуровна не успела пожаловаться уютной буфетчице Нелле, хлопотавшей возле кофеварочной машины – странные звуки достигли её сознания: из зала через фойе доносились прозрачные темы Первого концерта Шопена. Розалия Артуровна прислушалась, не веря собственным ушам, и помотала головой – нет, ей не почудилось: кто-то играл первую часть Концерта Шопена. Причём играл восхитительно. Розалия Артуровна задумчиво развернулась и, забыв про мечту о дымящемся на столике с накрахмаленной скатертью густом кофе, как заворожённая, пошла в обратном направлении к залу.

– Куда же вы? – Буфетчица Нелли застыла с чашкой в руках и долго провозжала Розалию Артуровну сострадательным взглядом, покачивая головой с гладко зачёсанными медового оттенка волосами. – «Совсем заработалась, бедная».

Розалия Артуровна двигалась навстречу неизвестности. Звуки музыки Шопена явно не вязались с программой, которую выставил участник под номером тринадцать. «У него – Первый Мендельсона, я точно помню, или я так устала, что путаю Шопена с Мендельсоном. Ми минор с соль минором...» – Розалию Артуровну охватило смятение. Как назло, фойе, где обычно кто-нибудь да сидел на диванчике, было пусто. «Даже спросить не у кого – что там за перевёртыши», – Розалия Артуровна в расстройстве и растерянности дожидалась у дверей в зал, когда закончится первая часть концерта. Наконец, она решила приоткрыть дверь...

Хорошо, что никто не заметил, как вытянулось и посерело, а потом покрылось багровыми пятнами её лицо. Не мог заметить – Розалия Артуровна тут же закрыла дверь и, тяжело дыша и обмахиваясь носовым платком, выхваченным поспешно из рукава блузки, двинулась неровной походкой в сторону своего кабинета. В ушах директора шумели водопады, в глазахплыли радужные круги, тело сотрясала мелкая дрожь. «Негодница! Как она посмела! Как посмела!..» – пульсировало в голове директрисы.

Хорошо, что в это время секретарша Тоня собралась перекурить и выпорхнула из приёмной. А тут!... Только Тоня успела подбежать и подхватить под руки оседавшую на мраморную плитку училищного фойе Розалию Артуровну, как та, просто-напросто, отключилась. По прошествии времени Розалия Артуровна с трудом могла вспомнить, как оказалась у себя в кабинете на диванчике. А вот душный запах нашатыря и квадратные от испуга глаза Тони ещё долго преследовали Розалию Артуровну при упоминании о фестивале. С тех пор она невзлюбила Первый Концерт Шопена для фортепьяно с оркестром, принесший ей столько неприятностей.

Но это было потом. А в то время, когда директор училища приходила в себя на кожаном диванчике в кабинете, переполненный концертный зал училища утопал в гипнотических гармониях Шопена.

Слышал их и Кречетов, по-прежнему, пребывавший на выселках в беседе. У него оставалось немного времени придумать, как выпутаться из

паутины, сплетённой директором училища, и как оправдаться перед ученицей, оказавшейся в роли «девочки для битья» в роковом столкновении мнений начальства и подчинённого. Вопрос – что сказать Але, чтобы... Короче, как выкрутиться, ведь не он же весь этот спектакль придумал.

Он докурил последнюю сигарету, дослушал Концерт Шопена, и, совершенно обозлённый тем, что ему нашли замену так быстро, ринулся брать штурмом вход в училище. Он намеревался проскочить в двери вместе с входящими или выходящими. На удивление, дверь оказалась не заперта. Охранник, как ни в чём не бывало, кивнул ему приветственно головой и уткнулся в газету – будто не он битых два часа удерживал позиции по обороне объекта от нападения. Кречетов хмыкнул и с гордым видом направился в рояльный класс. Продолжались слушания – никто не встретился ему на пути, только в конце коридора возникла и растворилась призрачная фигура Лёши Филимонова, вызвав у Кречетова оскомины. Да двое – парень и девчонка – прошли в обнимочку и удивлённо проводили его взглядами:

– Здрассьте...

Кречетов равнодушно кивнул – ему было всё равно: он лихорадочно разыгрывал в уме сцену встречи с Алей.

Аля к этому времени переделалась и собирала ноты. Вета в ожидании дочери стояла у приоткрытого окна. Внезапно распахнулась дверь, и вместе со сквозняком в кабинет влетел запыхавшийся Кречетов. Рубашка выбилась из коротких, явно ему маловатых, брюк, глаза – вот-вот выкатятся из орбит, руки дрожат. На ходу он вытаскивал ноты из обшарпанного портфеля.

– Сейчас твоя очередь? – шумно дыша, спросил Кречетов, не глядя на Алю, – прости, эти пробки!..

Аля в ответ на монолог Кречетова подняла голову от сумки с нотами и отчуждённым тоном произнесла:

– Владислав Александрович! Вы опоздали. Моя очередь уже прошла.

– Как! Уже?! – охнул Кречетов. – А времени сколько? И что теперь делать? – Он с размаху плюхнул портфель на ближайший рояль, и округлившиеся его глаза уставились вопросительно на Алю.

Аля выдержала несколько секунд, укладывая ноты в сумку, и сказала с вызовом:

– Владислав Александрович! Я всё равно сыграла концерт! С Соней. А вы... Вы... Вы как будто специально всё это придумали: опоздание, пробки... – Аля набрала побольше воздуха и произнесла на одном дыхании:

– Как вы могли так поступить со мной? Вы же знали, как это важно для меня! Всё это похоже... на предательство.

На секунду зависла мёртвая тишина. Казалось, было слышно, как смыкались и размыкались белёсые ресницы окаменевшего Кречетова и в нервном тике дёргался правый угол его верхней губы. Потом он заорал так, что Вета, которую Кречетов до сих пор не заметил, инстинктивно прикрыла ладонями уши, боясь, что лопнут барабанные перепонки.

– Я?! Я!.. Да как ты смеешь?! – выходил из себя Кречетов. – Да кто ты такая! Ты хоть понимаешь, что говоришь? Ты!.. Ты обвиняешь – меня! – в предательстве?! Ты?! Чтобы я своим преподавателям говорил что-то подобное! Да я бы умер на месте! Да ты просто... наглая!.. – метался Кречетов между роялями и Алей. И в этот момент разошедшийся не на шутку музыкант увидел Вету, застывшую у окна.

Потоки гнева Кречетова иссякли так же неожиданно, как прорвались. Он сказал ни к селу, ни к городу:

– Вета, привет.

Лицо музыканта залила краска, точно его застали за каким-то постыдным занятием, как в детстве, когда он таскал у бабушки шоколадные конфеты до праздника из тайничка в кладовке.

Вета еле слышно прошептала: «Привет...».

Аля подхватила сумку и направилась к двери, бросив на ходу:

– Мам, пошли!

Вета поспешила вслед за Алей. Это было спасение. Но и бегство. Спасение от стыда за скомпрометировавшего себя «бога за роялем». Бегство, потому что несмотря ни на что, Вете нестерпимо хотелось обернуться, увидеть глаза Кречетова, вернуться, обнять, погладить по голове, пожалеть, как маленького ребёнка, спросить: «Что с тобой, милый, ты не заболел?» Но она не решилась. К тому же, её опередила Аля. Выходя из дверей, она бросила Кречетову, бестолково перебиравшему вывалившиеся из портфеля на рояль ноты:

– Вы обманули меня, Владислав Александрович. Я знаю, ни в какой пробке вы не стояли... и... я ухожу от вас. Я больше не могу у вас учиться, хотя вы прекрасный музыкант.

Не дожидаясь реакции Кречетова, она вышла из класса, за ней – так и не проронившая ни слова, будто замороженная, Вета.

В фойе их ждали – о чём-то пылко щебетала Соня, ей в ответ сдержанно улыбалась и согласно кивала головой льноволосая Екатерина. Увидев Алю, Соня бросилась к ней:

– Алька! Ты что такая убитая? – Тормошила и целовала Алю в пылающие щёки подруга. – Всё здорово! Правда ведь, Виолетта Сергеевна? – Соня обратила к Вете сияющую хитрую мордочку.

– Конечно, Сонечка! – Вета вымученно улыбнулась, – вы были лучше всех!

Екатерина кивнула приветственно Вете и обратилась к Але:

– А я как раз шла тебя поздравить. Молодчина! Концерт был превосходный! Ты победила, Аля! – Она привлекла одной рукой за плечи Соню, другой – Алю. – Вы, девчонки, победили! Что бы там ни решило высокое жюри...